

КТО БЫЛ?

21

декабря 1908 года около семи вечера в один из полицейских участков Глазго вбежала горничная Элен Лэмби. Срывающимися голосом она рассказала, что ее хозяйка мисс Мерон Джилкрист убита

у себя в квартире. Старуха послала горничную за газетами, а когда та вернулась, хозяйка лежала на подиуме с проломленной головой.

Дежурный отправил двух полицейских посмотреть, что случилось. Дом № 15 по Вест Принс-стрит принадлежал восемнадцатилетней мисс Джилкрист. Когда полицейские вошли в переднюю, им бросилась в глаза приоткрытая замаскированная дверь в соседний, пустующий с виду дом. Там оказалась афишированная комната, оборудованная для азартных игр.

Лэмби назвала искренне удивленной этим открытым. «Днем им никто не пользовался», — заявила она. А ночью? Этого горничная не знала. Ее рабочий день заканчивался в семь вечера, и мисс Джилкрист строго следила за тем, чтобы слуги не перебывали.

Сейчас хозяйка дома лежала возле тяжелого дубового стула. Поскольку вблизи не было никаких других предметов, способных стать орудием убийства, полицейские решили, что именно этот стул и помог мисс Джилкрист отправиться на тот свет.

Старомодный письменный стол был взломан. На открытых дверцах и выдвижнутых ящиках виднелись кровавые отпечатки рук. Валившаяся рядом шкатулка также оказалась взломанной. Она была битком набита чеками, вензелями, долговыми расписями и другими деловыми бумагами. Создалось впечатление, что кто-то лихорадочно искал какую-то бумажку.

По всему чувствовалось, что убийца — дилетант. Опытный преступник знал, что бы не оставил таких следов. К тому же в комнатах сравнительно на виду лежали деньги и драгоценности. Значит, это не были грабители.

Полицейским оставалось обеспечить охрану места преступления и ждать агентов из отдела расследования убийств. Но в полицейском управлении, по-видимому, настроились на приближающееся рождество. Время шло, а никто не появлялся.

Один из полицейских, Тренч, решил пока сам допросить горничную. Оправившаяся от испуга Лэмби рассказала, что, вернувшись с газетой, она увидела у двери соседа — доктора Адамса. Тот якобы услыхал крики о помощи и прибежал узнать, в чем дело. В этот миг дверь неожиданно открылась, из дома выбежал какой-то мужчина и помчался вдоль улицы. На вопрос, видела ли она раньше этого человека, Лэмби ответила уклончиво: что его знает, все было так неожиданно, да и темно перед домом.

Когда Тренч поинтересовался, могла ли покойная знать этого человека, Лэмби заверила, что ее хозяйка вообще не принимала мужчин. Казалось непонятным, как мог он проникнуть в дом, ведь горничная только что заявила, что мисс Джилкрист была болезнена и ни за что не впустила бы незнакомого.

Тренч послал напарника за доктором Адамсом. Тому допрос был явно не по душе. Его путанные показания в переводе на сухой язык полицейского протокола приняли такой вид:

«Убитая содержала в соседнем доме, вход в который был со двора, меблированные комнаты и игровой дом, где велись запрещенные законом игры: рулетка, баккара и экарте. По слухам, тут каждую ночь собирались представители высшего света. Среди гостей бывали якобы придворные Его Величества, высшее дворянство и представители деловых кругов. Два года назад против покойной было

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА



Начато расследование; полиции стало известно, что в ее доме происходят непристойные представления, но по предписанию королевского прокурора расследование было прекращено...

Доктор Адамс подробно описал человека, выбежавшего из дома. По его словам, это был высокий, худой, аристократического вида мужчина. На вид ему было не больше тридцати лет. Несмотря на сильный холод, он был без пальто. Доктору показалось, что горничная хотела заговорить с незнакомцем, но он быстро убежал...

Рассказ Адамса наставлял на размышление. Ведь горничная описала незнакомца как маленького толстячка лет 45–50 в светлом пальто. Тренч не удалось прояснить это: прибыло начальство из управления во главе с самим начальником отдела расследования убийств суперинтендантом Уинстоном Ордом. Он принял рапорт Тренча и отправил полицейских в участок, предварительно настрого запретив им говорить с кем бы то ни было о деле. Приказ не удивил полицейских: он вполне соответствовал принятым в полиции правилам.

Зато вопреки всем правилам суперинтендант распустил всех своих людей и остался наедине с Лэмби. Среди множества бумаг, испытанных по данному делу, нет никаких указаний на то, о чем беседовали Орд и Лэмби.

О случившемся жители города узнали из неясной заметки в вечерней газете. В ней говорилось:

«Преступление, несомненно, совершено с целью ограбления. Убитая хранила у себя большие деньги и драгоценности. Только неожиданное возвращение горничной помешало преступнику обнаружить квартиру. Он захватил лишь бриллиантовую брошь в виде полумесяца. Орудием преступления был предмет с острыми краями, по-видимому, молоток. Убийца не оставил никаких следов. Однако горничная, видевшая его, когда он выбегал из дома, дала подробное описание наружности преступника. Это плотный крепыш, склонный к полноте. На вид ему 45–50 лет. Одет в светлое пальто. Просьба ко всем замечавшим подозрительных лиц сообщить полиции. Владельцы лампадов, ссудных касс и ювелирных магазинов также просят уведомить следствие, если кто-либо попытается продать или заложить бриллиантовую брошь в виде полумесяца».

О втором свидетеле, докторе Адамсе, совершенно иначе, описанном впрочем воротом убийцу, газета умолчала. Словом, сообщение было составлено так, чтобы по возможности замести следы.

Но спустя четыре недели одна из оппозиционных газет опубликовала репортаж о преступлении на Вест Принс-стрит. Впервые речь зашла об аристократах, посещавших притон мисс Джилликрист. Автор писал:

«Почему детективы не пытаются поискать виновного в этих кругах? Зачем им понадобился воришко, собирающийся стянуть драгоценности, «зароботанные» в притонах и игорных домах. Он опасается, что, узнав о его связях с убитой, полиция конфискует его состояние, как нажитое нечестным путем. Трясься за свои деньги, Слатер прямым путем шел на виселицу».

Когда 3 мая 1909 года в Эдинбурге началось слушание дела об убийстве на Вест Принс-стрит, всякий следивший за ходом расследования по газетам мог бы отдать голову на отсечение, что Слатер повесится. Один подсудимый не терпел оптимизма. Он был уверен, что запросто развеет вздорное обвинение. Так как все его деньги были конфискованы, обвиняемый не мог нанять адвоката, и суд назначил ему защитников. Оба служили в судебном ведомстве и уже в силу этого не собирались портить отношения с властями.

Приисяжные тоже были как на подбор. В их глазах содержимое притона на улице заранее виноват, а любой потенциальный клиент заведения мисс Джилликрист — вне подозрений.

Британская судебная процедура как бы переносила присутствующих на несколько столетий в глубь веков. Шелковые мантии и спадающие на плечи завитые парики судей под стать церемонии судопроизводства. Перед началом заседания судебный пристав поднес председателю лорду Гатри букет фиалок. Этот средневековый обычай сохранился с тех времен, когда обвиняемых приводили из подземелий обгоревших, истомленных пытающих и грязных. Ясно, что сиятельный лорд Гатри не мог вынести шедшего от судьи. Слатер, выслушав обвинение, твердо отвечал:

«Я невинован, милорд».

Затем началась допрос 98 свидетелей обвинения. Из них лишь немногие могли рассказать, что члены семьи непосредственно к убийству. Остальные знали подсудимого. Как владелец сомнительных заведений. Прокурор рассчитывал таким образом виновец погубить репутацию Слатера в глазах присяжных. Защитники поч-

той, Он также содержал притоны и игорные дома, только его клиентура была попроще. Именно поэтому полиция и попросила Слатера перенести свою деятельность куда-нибудь дальше. Выяснилось, что Слатер поддерживал с покойной мисс Джилликрист чисто деловые отношения. Суперинтендант Орд, вероятно, считывал, что подозреваемый исчезнет без следа и дело со временем забудется. На буду, из Ливерпуля пришло сообщение, что Слатер выехал в Нью-Йорк на пароходе «Лузитания» и при покупке билета назывался своим именем.

Пришло время вать в США телеграмму с требованием выдачи преступника. Суд Соединенных Штатов дал согласие при условии, что будут предъявлены достаточно веские улики. Орд вместе с Лэмби и Барроуменом отправился в Нью-Йорк, где Слатер был взят под стражу.

Обе женщины, конечно, «опознали» таинственного незнакомца с Вест Принс-стрит. Они даже подтвердили это под присягой. Практически это знали, что свидетельницы уже не могли взять назад свои показания, не рискуя долголетним тюремным заключением. Суд решил выдать Слатера шотландской полиции.

На той же «Лузитании» Слатер вновь пересек Атлантический океан. Во время переезда произошло еще одно загадочное происшествие, которых так много в деле. Когда Слатер был арестован в Нью-Йорке, все семь принадлежащих ему членов были в его присутствии очевидцами американской полиции; затем они были переданы шотландским. Но когда в Глазго суперинтендант вызвал Слатера, чтобы вскрыть членов, на них оказались шотландские печати.

Причина метаморфозы стала понятной после того, как Орд извлек из одного членов светлое, забрызганное кровью пальто, а затем и молоток, на котором эксперты позже нашли следы крови. Энергичные протесты обвиняемого остались без внимания. Он все отрицал, но убийце так и полагалось вести себя. Казалось по меньшей мере странным, что убийца потащил с собой в Америку молоток, вместо того чтобы выбросить его за борт в открытом море.

На все протесты обвиняемого следователь отвечал стандартной фразой: «Если вы действительно не виновны, расскажите, где вы были вечером двадцать первого декабря. Представьте убедительное алиби».

От Слатера требовалось еще и представление свидетелей, способных подтвердить его показания. А их у него не было.

Обвиняемый окончательно погубил свою репутацию, когда его уличили в лжи. Он категорически отрицал, что знал покойную мисс Джилликрист. Дело в том, что при аресте у Слатера были отобраны деньги и драгоценности, «зароботанные» в притонах и игорных домах. Он опасался, что, узнав о его связях с убитой, полиция конфискует его состояние, как нажитое нечестным путем. Трясься за свои деньги, Слатер прямым путем шел на виселицу.

Когда 3 мая 1909 года в Эдинбурге началось слушание дела об убийстве на Вест Принс-стрит, всякий следивший за ходом расследования по газетам мог бы отдать голову на отсечение, что Слатер повесится. Один подсудимый не терпел оптимизма. Он был уверен, что запросто развеет вздорное обвинение. Так как все его деньги были конфискованы, обвиняемый не мог нанять адвоката, и суд назначил ему защитников. Оба служили в судебном ведомстве и уже в силу этого не собирались портить отношения с властями.

Приисяжные тоже были как на подбор. В их глазах содержимое притона на улице заранее виноват, а любой потенциальный клиент заведения мисс Джилликрист — вне подозрений.

Британская судебная процедура как бы переносила присутствующих на несколько столетий в глубь веков. Шелковые мантии и спадающие на плечи завитые парики судей под стать церемонии судопроизводства. Перед началом заседания судебный пристав поднес председателю лорду Гатри букет фиалок. Этот средневековый обычай сохранился с тех времен, когда обвиняемых приводили из подземелий обгоревших, истомленных пытающих и грязных. Ясно, что сиятельный лорд Гатри не мог вынести шедшего от судьи. Слатер, выслушав обвинение, твердо отвечал:

«Я невинован, милорд».

Затем началась допрос 98 свидетелей обвинения. Из них лишь немногие могли рассказать, что члены семьи непосредственно к убийству. Остальные знали подсудимого. Как владелец сомнительных заведений. Прокурор рассчитывал таким образом виновец погубить репутацию Слатера в глазах присяжных. Защитники поч-

ти не задавали вопросов, и казалось, что дело быстро катится к желаемому результату.

Однако немногие приглашенные по желанию обвиняемого свидетели чуть не опрокинули воздвигнутую прокурором конструкцию. Полицейские из Нью-Йорка подтвердили, что при аресте членов обвиняемого были очевидцами американскими печатями. Но, поскольку никто в зале суда не собирался выговаривать Слатера, этот эпизод остался без внимания. Когда же в пылу спора Слатер обронил фразу, в которой заподозрил Орда в подлоге, он был оштрафован (которично, символически: ведь все его деньги были конфискованы). Судья мотивировал свое решение так:

— Полиция Его Величества вне подозрений.

Труднее пришло обвинителям с доктором Адамсом. Правда, в деле его показаний не было, но некоторые газеты, проводившие собственное расследование, назвали его имя и защитников волей-неволей пришлоось привлечь его. Доктор снова описал наружность человека, выбежавшего в тот вечер из дома убитой, совсем не так, как Лэмби и Барроумен. Его описание абсолютно не подходило к тому, кто сидел на скамье подсудимых.

Прокурор так и не сумел дать вразумительного объяснения, почему эти показания не были приобщены в деле. Перед ним стояла куда более сложная задача: как обезвредить версию высокомолодого аристократа без пальто. Но недаром прокурор Юр сплавился с умением вести допросы. Больше часа он путал свидетеля смысла различными, порой нелепыми вопросами, пока Адамс не произнес слов:

— Что ж, я мог ошибиться. Что и требовалось доказать! Эта фраза в притоне позволила при желании не считаться с показаниями доктора.

Но меньший конфуз произошел и с экспертами. Профессор, исследовавший коричневые пятна на молотке и на пальто, констатировал, что они напоминают капли крови млекопитающего. Но не человека, а, возможно, икринки или яички. Но это уже не имело значения. Подсудимый был осужден еще до того, как началось разбирательство.

Когда присяжные удалились на совещание, самые заядлые оптимисты не поставили бы ломаного гроша за голову Слатера. Но тут случилось непредвиденное. Едва дверь за присяжными закрылась, в зал вбежали мальчишки-газетчики. Огромными буквами на первых страницах была выведена очередная сенсация. Репортер выяснил, что роковую брошку, во имя которой якобы была убита мисс Джилликрист, принес к старьевщику не Слатер, а человек, известный как полицейский осведомитель. Карточный домик обвинения рухнул.

Однако Слатеру от этого легче не стало. По правилам британского судопроизводства, присяжные не имели права читать газет, и эта новость осталась для них неизвестной. Оскар Носиф Слатер был признан виновным и приговорен к смерти через повешение. Те же правила судопроизводства делали приговор присяжным окончательным и не подлежащим обжалованию.

Однако, если до суда Слатер, по всему миру, был убийцей, сейчас все изменилось. За несколько дней было собрано более 200 тысяч подписей под петицией в пользу нечестиво осужденного. Виднейшие юристы Соединенного Королевства и знаменитый писатель Конан Дойль тщетно пытались найти доводы в пользу пересмотра дела. Увы, закон был неуклончен.

Тем не менее, как ни хотелось властям поставить точку на этом не приятном деле, казнить Слатера они все же не решались. За несколько часов до казни они были вынуждены, чтобы не разочаровать Слатера, назначить в одинной камере, быть может, и лучше смерти, но для невинного эта «мирьина» казалась жестокой пыткой. Власти рассчитывали, что новые сенсации заставят забыть Слатера и его присяжных.

Нашелся, однако, человек, решивший докопаться до правды. Полицейский сержант Тренч, в свое время первым из представителей власти оказавшийся на месте преступления, Пожизненное заключение в одинной камере, быть может, и лучше смерти, но для невинного эта «мирьина» казалась жестокой пыткой. Честный полицейский был убит из-за углы лишь потому, что знал его имя. Высшие чиновники и судьи стали преследовать, чтобы прикрыть убийцу, которого даже запрещено называть. Почему? Кого же защищает этот заговор молчания? Правоверный мусульманин не решается произносить имя бога. Кто был таким божеством в Шотландии в 1908 году? Король и Церковь. Вот где следует искать убийцу. Кто он, чьего имени не дано знать даже парламенту?..

Тренч удалось разыскать и вторую свидетельницу обвинения — Мэри Барроумен. Ее финансовые дела также поправились. Она пыталась было отпариться, но Тренч показал ей полицейскую справку, из которой следовало, что в день убийства она находилась в тюрьме, а значит, не могла видеть убийцу.

После этого Мэри заговорила. Она призналась, что была задержана на улице за проституцию, а там как ей, кроме того, угрожали неприятности в связи с каким-то грабежом, она охотно согласилась на предложение полиции дать ложные показания, за что ее выпустили на свободу.

Тренч подал рапорт начальству, сообщив о своих открытиях. Бумага была положена под сунко, а не в ме-ту расторопного детектива перевели на забытый богом островок у берегов Шотландии.

Только тут полицейский понял, что с этим делом творится недобре. Вспомнил, что Конан Дойль в свое время вступил за Слатера. Тренч переслал писателю свою бумагу. Автор Шерлока Холмса вместе с другим популярным писателем, мастером детективных романов Эдгаром Уоллем, написал брошюру «Дело Слатера».

Выход в свет этой брошюры снова возбудил интерес к позабытому было процессу. Опять зашумели оппозиционные газеты. Вопрос был поднят даже в палате общин, и парламент решил провести закрытое расследование обстоятельства дела. В апреле 1914 года, почти через пять лет после осуждения Слатера, в Глазго собралась следственная комиссия. Были заслушаны показания председателя и секретаря суда, а также Всех выступавших на процессе свидетелей. Впрочем, не всех. Элен Лэмби к тому времени эмигрировала в Америку, и никакие уговоры не могли заставить ее вернуться.

Тренч был вызван только на последнее заседание. Там сержант получил на конец возможность поведать миру обо всем, что ему удалось разузнать. Но тут каждый раз, когда называлось имя неизвестного, секретарь вписывал в притон инициалы А. Б.

Вечером того же дня был найден труп Тренча, убитого выстрелом из револьвера в затылок. Полиция не только не провела следствия, но в течение более десяти лет скрывала факт убийства.

Мудрено ли, что после такого «расследования» государственный секретарь по делам Шотландии заявил в парламенте:

— После тщательного рассмотрения всех обстоятельств дела Слатера я не вижу оснований возвращаться к нему. Нет никаких поводов для пересмотра процесса.

Вскоре началась мировая война, и все казалось окончательно забытым. Лишь в 1925 году какой-то неизвестный принес Конан Дойлю записку. Слатер удалось, обманув сторожей, переправить своему благодетелю мольбу о помощи.

Маститый писатель в третий раз поднял голос. Вновь газеты подхватили забытую было сенсацию. Репортер «Эмпайр Ньюс» удалось не только разыскать в Америке Элен Лэмби, но и опубликовать следующий, подписанный ею документ:

«Мне хорошо известен человек, по-видимому, был убийцей, сейчас все изменилось. За несколько часов до казни он был признан виновным, сейчас же изменилось. За несколько дней было собрано более 200 тысяч подписей под петицией в пользу нечестиво осужденного. Виднейшие юристы Соединенного Королевства и знаменитый писатель Конан Дойль тщетно пытались найти доводы в пользу пересмотра дела. Увы, закон был неуклончен.

Второй процесс в одном отношении был схож с первым: и тут и там прокурор был предрешен. Конечно, Слатер был оправдан. Только один вопрос остался неразрешенным. Тайна инициалов А. Б. осталась тайной.

Этот вопрос не выяснил и по сей день. Кто он, таинственный А. Б.? Американский журнал «Норт Американ Ревью» так отвечает на это: «Каждый, кто ознакомится с делом, вправе спросить об этом. Невинного восемнадцати лет держали в тюрьме, чтобы именем закона выгнать истинного убийцу. Честный полицейский был убит из-за углы лишь потому, что знал его имя. Высшие чиновники и судьи стали преследовать, чтобы прикрыть убийцу, которого даже запрещено называть. Почему? Кого же защищает этот заговор молчания? Правоверный мусульманин не решается произносить имя бога. Кто был таким божеством в Шотландии в 1908 году? Король и Церковь. Вот где следует искать убийцу. Кто он, чьего имени не дано знать даже парламенту?..